

Ложь должна быть чудовищна...

Кампания началась сразу после отставки отца в октябре 1964 года. На Руси такое не новость, многие правители начинали царствование с втапывания в грязь костей своего предшественника.

Фамилия «Хрущев» больше не упоминалась, публиковавшиеся в «Правде» директивные статьи анонимно осуждали «волюнтаризм и субъективизм», анонимно сетовали на возникновение нового «культа личности», рассуждали о реальных или мнимых «ошибках», которые новому руководству теперь приходится «исправлять».

Особенно активно действовали Шелепин с Семичастным. В начале 1965 года КГБ получило от Секретаря ЦК Шелепина задание заняться формированием «соответствующего» образа Хрущева. Операция, естественно, получила одобрение Брежнева. Разработку Хрущева поручили подразделению дезинформации КГБ.

В 1959 году его создал тогдашний председатель КГБ Шелепин. Тогда новый отдел называли службой «Д» – дезинформация, другими словами: «фабрика слухов». Его существование Александр Николаевич обосновал необходимостью противодействия нарождающе-

муся в Западной Германии реваншизму. Вскоре отдел переименовали из «Д» в «А» – активные мероприятия.

Со времени ареста Берии в июне 1953 года специфические и не совсем законные подразделения КГБ во внутренней политической борьбе больше не использовались, даже вербовка агентуры во властных структурах, как в Советском Союзе, так и в социалистических странах попала под строгий запрет. Отец внимательно следил за соблюдением установленных им правил. Теперь правила переменились. Профессионалы взялись за дело. Собственно, все или почти все, что в конце XX – начале XXI века россияне знали о Хрущеве – творение их рук.

Разработанные отделом дезинформации легенды выстраивались по правилам психологической войны, реальные факты препарировались до неузнаваемости, но так, чтобы не вызвать отторжения у среднего человека. Дезинформация только тогда становится «информацией», когда у получателя не возникает сомнений в ее «истинности», он не догадывается, что им манипулируют. Ложь вбрасывалась дозированно, порциями через различные, «не связанные» друг с другом каналы, так что падкие до сенсаций журналисты и историки не сомневались: они ее раздобыли только благодаря исключительному везению, личным связям, собственной настойчивости.

Первой жертвой развязанной Шелепиным – Семичастным кампании стал погибший на фронте мой старший брат Леонид, летчик, старший лейтенант.

Но давайте всё по порядку.

«Биография Леонида Никитича Хрущева, несмотря на высокий уже в предвоенные годы пост отца, обыкновенна, – так пишет в газете “Красная звезда” юрист и историк полковник Мороз. – После семилетки и фабрично-заводского обучения он работал сначала учеником на заводе № 1, а затем слесарем на рентгеновском заводе. Решением общего собрания коллектива предприятия и по путевке Краснопресненского райкома комсомола в декабре 1933 г. направлен в Балашовскую школу пилотов гражданского воздушного флота. После четырехлетнего обучения прошел дополнительную подготовку на курсах усовершенствования командного состава в Ульяновске. В 1939 году добровольно поступил в Красную Армию и был зачислен слушателем подготовительного курса командного факультета Военно-воздушной академии имени Жуковского. Однако продолжать учебу в академии не захотел: в Энгельсской военной авиашколе начал осваивать скоростной бомбардировщик СБ (АНТ-40) и его усовершенствованную модификацию Ар-2.

Учился Леонид Хрущев на совесть. В выпускной аттестации не упомянут ни один недостаток. Теория – отлично, часть самолета – отлично, техника пилотирования – отлично, в воздухе ориентируется хорошо, строевая выправка – отлично. Звания лейтенанта РККА достоин. В автобиографии, написанной днем раньше, сам Леонид, тем не менее, отмечает, что объявленный ему по комсомольской линии выговор за несвоевременную уплату взносов так и не снят. На войне лейтенант Л. Хрущев с ее первых дней».

Судя по документам, предвоенные годы мой брат прожил, как и большинство юношей его эпохи, не хуже, но и не лучше.

«Разоблачители» отца документами не пользуются, ссылаются на то, что в скомпонованном уже после войны личном деле Леонида сохранились не оригиналы, а сплошь копии, понимай – подделки.

Действительно, в том личном деле в подлиннике имеется только послужной список. Собственно, он и составляет «личное дело» обычного старшего лейтенанта. Остальные документы туда перенесены из других источников. Это действительно копии. Как того и требует делопроизводство, на каждой копии имеется ссылка на оригинал, хранящийся тут же в Центральном архиве Министерства обороны, указание, откуда он взят и когда скопи-

рован. У настоящих историков сомнения в достоверности личного дела не возникает. Но это у настоящих, а дезинформаторам годится любая зацепка.

Итак, в 1941 году мой брат Леонид служил в бомбардировочной авиации, летал на упомянутом выше скоростном бомбардировщике СБ. Вот только, к несчастью летчиков и Леонида в том числе, скоростным его называли в момент рождения в 1936 году, а к 1941 году скорость полета СБ, едва достигавшая четырехсот километров в час, оказалась «черепашьей». В начале войны летать на таких бомбардировщиках – сродни самоубийству, истребители прикрытия отсутствовали, немецкие мессершмитты расстреливали самолеты в упор. По отзывам сослуживцев, Леонид воевал хорошо, за чужие спины не прятался, фамилией отца не прикрывался. Мастер-механик авиаполка Виктор Андреевич Фомин запомнил, что в конце июля Леонид разрушил мост через Западную Двину. До него его уже неоднократно бомбили, но безрезультатно. Немецкие истребители прикрывали мост плотно, прорваться не удалось никому. Леонид придумал маневр: еще над своей территорией набрал максимальную высоту, а при подлете к мосту спикировал, на скорости поднырнул под истребители и сбросил бомбы с бреющего полета, рассчитав так, чтобы его не задело взрывной волной. Леонид не только уничтожил мост, но попутно разбомбил еще и окопавшийся поблизости на берегу немецкий штаб. «За этот вылет Леониду дали орден Красного Знамени, наградили также штурмана и стрелка-радиста. По своим командирским данным, летному мастерству, бесстрашию летчик-работяга Л. Н. Хрущев напоминал мне Ивана Кожедуба, с которым я воевал с 1944 года, а затем по 8 августа 1991 года соучаствовал в ветеранских делах».

А вот как отзываются о Леониде его начальники: «Командир экипажа Леонид Никитич Хрущев... имеет 12 боевых вылетов. Все боевые задания выполняет отлично. Мужественный, бесстрашный летчик. В воздушном бою 6 июля 1941 года храбро дрался с истребителями противника вплоть до отражения атаки. Из боя Хрущев вышел с изрешеченной машиной. Инициативный...

...Неоднократно шел в бой, подменяя неподготовленный экипаж. Ходатайствую о награждении тов. Хрущева орденом Красного Знамени», – написал 16 июля 1941 года командир 46-й авиадивизии полковник Писарский.

Летать Леониду оставалось еще десять дней.

«27 июля остатки трех эскадрилий 134-го бомбардировочного полка, – написано в боевом донесении, – шли бомбить аэродром в районе станции Изоча (или Изога, в разных источниках пишут по-разному. – С. Х.) артиллерию в районе Хикало. При возвращении незащищенные бомбардировщики были атакованы восемью немецкими истребителями «Мессершмитт-109». Потери составили: четыре машины из шести».

За этот вылет Леонида вторично представляют к ордену Красного Знамени: «Лейтенант Л. Н. Хрущев с 1.7 по 28.7.41 г. имеет 27 боевых вылетов. Летал в звене командира эскадрильи. Метким бомбометанием его самолет разбомбил танки и артиллерию противника в районе Великих Лук. 6.7.1941 г. бомбил две переправы противника в районе Десны. На обратном пути самолет Хрущева был обстрелян и имел 20 пробоин. Тов. Хрущев спас самолет и вернулся на свой аэродром.

Решительный, смелый, бесстрашный летчик... Командование части ходатайствует о представлении его к правительственной награде – ордену Боевого Красного Знамени.

Командир 134 СБП³⁰ майор Ткачев.

Военком 134 СБП ст. политрук Куликов».

Леонид получит орден Красного Знамени только в феврале 1942 года, и только один, хотя представляли его, судя по документам, дважды и за разные боевые эпизоды.

Самолет Леонида оказался в числе четырех записанных майором Ткачевым в безвозвратно утраченные. Он еле дотянул до линии фронта и, по слухам, сел с убранными шасси на нейтральной полосе. Одного из членов экипажа убили еще в воздухе, а Леонид при посадке самолета сломал ногу и серьезно повредил позвоночник. Экипаж подбитого самолета выручили красноармейцы.

Долгое время эти слухи оставались единственной информацией о последнем полете Леонида на бомбардировщике СБ. В своем письме, уже упомянутый выше, очевидец Фомин рассказывает об аварийной посадке Леонида иначе.

Как ему запомнилось, в последних числах июля 1941 года «в эскадрильях полка осталось, вместо положенных пятнадцати, шесть или девять самолетов. Тогда же командование распорядилось для вынужденных посадок использовать бывший аэроклубовский аэродромчик с короткой взлетной полосой, пригодной только для учебных ПО-2. Он располагался у железнодорожной станции Андрополь, вплотную за спиной нашей линии обороны, в восьмидесяти километрах западнее от места базирования полка».

На него 27 июля 1941 года и сажился Леонид.

Примерно в 2 часа дня дежуривший на аэродромчике Фомин увидел приближавшийся на малой высоте самолет с выпущенным правым колесом шасси, левое – только высунулось из фюзеляжа и, поврежденное в воздушном бою, застряло. Леонид заходил на посадку раз пять, и все неудачно. Фомин тогда подумал, что он, скорее всего, ранен. На шестой раз самолет коснулся земли, прокатился на одном колесе метров сто, затем стойка единственного колеса подломилась, СБ перевернулся, подняв большой столб пыли. Фомин с товарищами, несмотря на опасность взрыва, поспешили к самолету.

Подбежав к самолету, Фомин увидел зажатого в кабине висящего вниз головой израненного Леонида. Рядом с ним висел мертвый штурман. Сидевший сзади стрелок-радист истекал кровью. Фомин попытался подлезть под самолет, но тщетно. Тогда пришлось приподнять самолет с помощью полуторки. Вместе с еще двумя механиками они с огромным трудом и не с первой попытки занесли крыло самолета в открытый кузов грузовика. Полуторка сдала назад, и кабина чуть отошла от земли. Леонида вытащили. Сам он ходить не мог, то и дело терял сознание. Его уложили в кузов грузовика, рядом со стрелком-радистом и мертвым штурманом.

Фомин залез внутрь самолета, отвинтил самолетные часы, штурманские АВР и пилотские АЧХО,³¹ огромную ценность по тем временам. Бросив на аэродромчике искореженный самолет, Фомин с ранеными поехал на полуторке на основной аэродром. Оттуда Леонида отправили в госпиталь. На прощание Фомин подарил ему часы АВР, а АЧХО № 334477, изготовления 1941 года, оставил себе.

Снова сошлюсь на официальный документ. В боевой характеристике лейтенанта Хрущева, составленной перед отправкой Хрущева в госпиталь, есть такие строки:

«В воздухе спокоен и расчетлив. Неутомим в бою... Были дни, когда он делал по 3–4 вылета и никогда не жаловался на усталость.

³⁰ Скоростной бомбардировочный полк.

³¹ АВР – авиационные рантовые часы; АЧХО – авиационные часы-хронометр с электрообогревом.

По выздоровлению желательно направить в 134-й полк».

«Часы мне служили, мне и Родине, верой и правдой до самого Берлина, так же, как и баян Леонида Хрущева. Часы у меня и сейчас, и я готов их передать как реликвию, как память о боевом летчике Хрущеве Леониде Никитиче его сыну Юрию Леонидовичу Хрущеву».

Виктор Андреевич, как и обещал, передал часы АЧХО № 334477 Юрию Леонидовичу. (7 декабря 2003 года Юрия Леонидовича не стало.)

В полевом госпитале Леониду хотели отрезать ногу, но он, согласно легенде, угрожая пистолетом, не позволил. Нога очень плохо заживала. Леонид больше года лечился в тыловом госпитале в Куйбышеве (ныне Самара). Там я его видел последний раз, бледного, улыбающегося, с новеньким орденом на груди.

Когда нога срослась, Леонид стал рваться обратно на фронт, теперь уже в истребители. Используя все доступные ему средства, брат добился перевода.

И тут случилось несчастье. О том, что произошло, мне, шестилетнему, естественно, никто не рассказывал. Но я слышал (или мне теперь кажется, что я слышал), как в доме шептались по углам, что Леонид по пьянке то ли убил человека, то ли произошло еще что-то очень нехорошее и теперь...

Так я писал в своих книгах. Действительно ли я запомнил разговоры о смертельном происшествии, или порой уж слишком услужливая память «припомнила» не то, что происходило на самом деле, а то, что в нее вложили впоследствии? Я тогда лечился от туберкулеза тазобедренного сустава, меня заковали в гипс, запретили не только ходить, но даже садиться. Неподвижный, я проводил дни в окружении тетушек, сплетничавших обо всем и обо всех, судачили они, естественно, и о Леониде.

Шепот по углам я запомнил, а вот «содержанием» его наполнил услышанный значительно позже рассказ приятеля Леонида – Степана Микояна, как оказалось, тоже основанный на слухах.

Степан воевал в авиации и лейтенантом прилетал в Куйбышев, где встречался с Леонидом, а потом улетел в Москву. «Однажды в компании оказался какой-то моряк с фронта, – рассказывает в своей книге Степан Микоян со слов некоего Петра, тоже приятеля Леонида. – Когда все были сильно “под градусом” в разговоре кто-то сказал, что Леонид очень меткий стрелок. На спор моряк предложил Леониду сбить бутылку с его головы. Леонид долго отказывался, но потом все-таки выстрелил и отбил у бутылки горлышко. Моряк счел это недостаточным, сказал, что надо попасть в саму бутылку. Леонид снова выстрелил и попал моряку в лоб...»

Сам Степан при этом не присутствовал.

Игра в «Вильгельма Телля» в среде военных в те годы была весьма популярна, да и жизнью они не так уж дорожили. Юле, дочери Леонида, Степан Микоян изложил эту историю чуть иначе, якобы первым стрелял моряк, он сбил бутылку с головы Леонида, а уж потом наступила очередь Леонида. За убийство офицера Леонида якобы судили. Суд признал Леонида виновным, приговорил к семи годам. В то военное время за такие проступки в тюрьму не сажали, отправляли на фронт в штрафные батальоны. Леониду разрешили остаться в авиации.

«Он, получив разрешение переучиться на истребитель ЯК-7Б, уехал на фронт с еще не совсем зажившей раной. По дороге туда, в один из последних месяцев 1942 года, Леонид неожиданно появился в Москве. Мы с ним встретились. В Москве о происшествии в Куйбышеве он умолчал», – я продолжаю цитировать Степана Микояна.

История по тем временам заурядная, и я в нее поверил безоговорочно. Однако стоило копнуть глубже и все оказалось совсем не очевидно. Копать глубже начал московский историк Александр Николаевич Колесник, сотрудник Института военной истории. Причиной тому стал сценарий телефильма о Леониде, который ему заказал один из московских

каналов.³² Естественно, Колесник первым делом обратился к архивам. В архиве военной прокуратуры никаких материалов о стрельбе в Куйбышеве Колесник, как ни искал, не обнаружил. Тогда он обратился за разъяснениями к Степану Микояну. Кто такой Петр, откуда он взялся, Степан Анастасович запомнил, но в пересказе истории теперь он ссылаясь еще и на Лизу Остроградскую, балерину Большого театра, тоже эвакуированную в Куйбышев.

В своей книге он упоминает вскользь, что во время его пребывания в Куйбышеве они с Леонидом флиртовали с двумя балеринами – Валей Петровой и Лизой Остроградской. Дело молодое, тем более что с женой Леонид тогда повздорил, и она уехала из Куйбышева. Училась где-то на курсах иностранных языков.

Степан вскоре вернулся в свой полк, а Леонид влюбился по-настоящему. Они с Лизой даже договорились пожениться. Лиза, женщина решительная, взялась за приготовление к свадьбе, всем и каждому рассказывала о предстоящем замужестве, а затем на какое-то время уехала в Москву. Леонид не на шутку перепугался. Перепугался предстоящего объяснения с мамой. Мама, человек суровый и со строгими понятиями о нравственности, не раз ему выговаривала за легкомысленное поведение, не одобряла его компанию, их непрекращающиеся застолья, а тут еще свадьба с балериной при живой жене и полуторагодовой дочери. Леонид не сомневался – заикнись он маме о Лизе и грандиозного скандала не миновать. Он струсил, вместо объяснения с мамой написал Лизе в Москву, что произошло несчастье, он убил человека, дальше следовала уже известная нам история с моряком. Получается, что он сам ее выдумал от начала до конца. В заключение Леонид просил его не искать, это бесполезно, его осудили и отправили отбывать наказание очень и очень далеко. Избежав таким образом объяснения с мамой, Леонид отбыл через Москву на фронт, к месту дальнейшего прохождения службы. Именно поэтому он и не рассказал ничего Степану Микояну при встрече в Москве. Не о чем было рассказывать. Зато Лиза, раззвонившая всем и всюду о своем грядущем замужестве, теперь охотно делилась со всеми известием о постигшем ее несчастье. Что же касается таинственного Петра, то оставим его на совести Степана.

За истекшие десятилетия байка обрела все права реальности, по крайней мере, до того, как в ней начали серьезно разбираться. Когда дочь Леонида, Юлия обратилась в военную прокуратуру с вопросом о стрельбе в Куйбышеве, ей ответили, что в их делах упоминание о подобном инциденте отсутствует, как и вообще имя Леонида Хрущева, он к ответственности не привлекался, никаких дел на него не заводилось.

В начале 1943 года, пройдя пятичасовую практику полетов на Як-7Б в третьем отдельном учебно-тренировочном смешанном авиаполку, Леонид снова оказался на передовой, в 18-м Гвардейском истребительном авиаполку 1-й Воздушной армии. Они базировались на аэродроме Хатенки в десяти километрах от Козельска, что в Калужской области. Командовал полком гвардии майор Анатолий Голубов. Там Леонид на Як-7Б, таком же, что и в учебном отряде, в двадцати восьми учебных полетах дополнительно налетал 13 часов 01 минуту и совершил шесть боевых вылетов (4 часа 26 минут). Там же, в истребительном полку, Леонида, приказом Народного Комиссара обороны И. В. Сталина № 02520 произвели в старшие лейтенанты. А во время седьмого вылета, 11 марта 1943 года, его сбили примерно в шести километрах от деревни Жиздра Калужской области, что неподалеку от Смоленска. Типичная судьба плохо облетанных, еще не освоивших хитрую механику воздушного боя молодых пилотов. Произошло все над территорией, занятой немцами, внизу простирались болота, в пылу боя соседи по строю и не заметили его исчезновения, только что был Леонид – и нет его. Но что-то о гибели Леонида требовалось написать в боевом донесении. О нем уже запрашивал командующий 1-й Воздушной армией генерал-лейтенант Худяков. Коман-

³² Телефильм «Тайна летчика Л. Хрущева», студия «Крылья России», был показан на канале «Россия» в январе 2005 года.

дир авиационного полка Голубов сообщил наверх, что, выполняя боевое задание, группа из девяти наших Як-7Б атаковала восемь вражеских истребителей «Фокке-Вульф-190». Гвардии старший лейтенант Хрущев летел ведомым у весьма опытного, уже имевшего счет сбитым самолетам противника, летчика полка гвардии старшего лейтенанта Заморина. Когда Заморин вступил в бой с одним из «фоккевульфов», Хрущев, как и положено, прикрыл его. Сбив самолет противника, Заморин заметил, что еще один ФВ-190, ведя огонь издалека, заходит ведомому в хвост. Бросившись наперерез, он принудил немца уйти на юг.

«В момент, когда истребитель противника отвалил от Хрущева, – сообщали в отчете командир полка гвардии майор Голубов и начальник штаба гвардии подполковник Вышинский, – Хрущев с переворотом под углом 65–70 градусов пошел к земле, и когда Заморин возвратился, то Хрущева он не нашел и считает, что сбитым он быть не может, так как снаряды рвались далеко в хвосте, он перетянул ручку и сорвался в штопор».

Уже упоминавшийся мною Степан Микоян, летчик-истребитель времен войны, а затем известный испытатель боевых самолетов, налетавший немало часов на Як-7Б, однотипном тому, на котором погиб Леонид, скептически отнесся к версии Заморина: «Мне не верится, что это мог написать летчик, да еще командир полка (возможно, он пытался оправдаться за то, что не “уберег” сына Хрущева или вообще это писал кто-то другой). Дело в том, что снаряды авиационных пушек не имеют дистанционных взрывателей, а лишь ударные – они могут взрываться, только попав в преграду. Так что “рваться за хвостом” они не могли.

Теперь о штопоре. После сваливания в штопор самолет вращается, снижаясь вертикально, а не пикирует под крутым углом. На пикировании самолет в штопор не войдет».

В 1999 году, разбирая архив Дмитрия Федоровича Устинова, министра обороны СССР брежневских времен, обнаружили письмо летчика Заморина, полученное Устиновым уже после смерти Хрущева-старшего, то есть после 1971 года. В письме дается совершенно иная версия воздушного боя. Заморин кается в фальсификации событий того дня: «Командование моего полка было крайне заинтересовано в том, чтобы принять мою версию за чистую монету. Ведь оно напрямую разделяло суровую ответственность за гибель летчика – сына члена Политбюро! Я струсил и пошел на сделку с совестью, сфальсифицировав факты. Я в рапорте умолчал о том, что, когда Фокке-Вульф-190 рванулся на мою машину в атаку, зайдя мне снизу под правое крыло, Леня Хрущев, чтобы спасти меня от смерти, бросил свой самолет наперерез огненному залпу “фоккера”... От бронебойного удара самолет Хрущева буквально рассыпался у меня на глазах!.. Вот почему на земле невозможно было найти какие-либо следы этой катастрофы. Тем более что искать начальство приказало не сразу – ведь наш бой происходил над территорией, оккупированной немцами».

Которое из свидетельств Заморина ближе к истине – судить не берусь. Главное, Леонида не стало. История для того времени самая что ни на есть заурядная, сколько народа тогда погибло.

А вот то, что произошло далее, для нашего рассказа примечательно. Весной 1943 года Сталин благоволил к отцу: Член Военного Совета Сталинградского фронта, он сначала вместе с командующим фронта Еременко и командующим армией Чуйковым под Мамаевым курганом, из «норы», как он характеризовал их укрытие, где располагался штаб Сталинградского фронта, организовывал оборону города, затем участвовал в планировании и самом окружении 6-й армии фельдмаршала Паулюса. Затем Сталин перебросил отца на Юго-Западный фронт к Малиновскому, на отражение наступления генерала Манштейна, пытавшегося своим казалось бы несокрушимым танковым кулаком пробить коридор, спасти окруженную армию Паулюса. Манштейн не прошел.

11 марта 1943 года об исчезновении Леонида доложили Сталину. Он приказал пока ничего не сообщать Хрущеву, поручил генералу НКВД Судоплатову, который координировал наши разведывательно-диверсионные операции в тылу немцев, все разузнать. «Однако

поиски никаких результатов не дали, – констатирует Судоплатов. – Лично Сталин принял решение считать Леонида Хрущева погибшим при выполнении боевого задания, а не пропавшим без вести».

После этого Сталин решил сам известить отца о происшедшем несчастье. Как все происходило в апрельские дни 1943 года, мы теперь знаем благодаря «раскопкам» все того же историка Колесника. Сталин вызвал отца в Кремль с Воронежского фронта, туда его перебросили к генералу Ватутину тоже в качестве члена Военного совета. В кабинете Сталина кроме Сталина самого присутствовали члены Политбюро Молотов, Микоян и Щербаков.

– Держись, Никита, твой сын Леонид погиб как герой, – якобы произнес Иосиф Виссарионович.

Отец пошатнулся, ему стало нехорошо. Вызвали врача.

11 апреля 1943 года, сразу после разговора у Сталина, командующий 1-й Воздушной армией генерал-лейтенант авиации Сергей Худяков отправил члену Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенанту Никите Хрущеву письмо следующего содержания:

«В течение месяца мы не теряли надежды на возвращение Вашего сына, но обстоятельства, при которых он не возвратился, и прошедший с того времени срок заставили нас сделать скорбный вывод, что Ваш сын – гвардии старший лейтенант Хрущев Леонид Никитич пал смертью храбрых в воздушном бою против немецких захватчиков».

В июле 1943 года Леонида наградили орденом Отечественной Войны 1-й степени. Наградили не посмертно, а за предыдущие боевые заслуги, потому что к ордену его представили еще за неделю до гибели. Приказ о награждении № 0254 от 12 июля 1943 г. по прямому указанию Сталина подписал командующий ВВС маршал авиации Александр Александрович Новиков. Как известно, при учреждении ордена Отечественной войны было установлено, что в случае гибели награжденного этот орден остается в семье как память. Орденский знак с номером 56428 вручили отцу. Награждая Леонида орденом, и еще столь значимым, Сталин как бы публично признавал его гибель. Пропавших без вести орденами не награждали, их ожидала совершенно иная участь.

Членом Военного совета Западного фронта, где погиб Леонид, служил давний приятель отца Николай Булганин. Его сын Лева тоже летчик и тоже летал на Як-7Б. Николай Александрович от всей души разделял горе отца и убедил командующего фронтом продолжить поиски Леонида. Они написали отцу, что собираются послать в предполагаемый район падения самолета не зависящую от НКВД и Судоплатова армейскую разведывательную группу, но отец отказался, поблагодарив за участие, попросил зря не рисковать другими жизнями.

Вскоре после гибели Леонида в Куйбышеве арестовали и сослали в Казахстан его вдову Любовь Илларионовну. К гибели Леонида ее арест отношения не имел. Обвинение против нее выдвигалось стандартное – работа на иностранную разведку, благо дипломатический корпус тогда тоже эвакуировали на Волгу. Чьей она числилась шпионкой, я сейчас уже не помню, то ли французской, то ли английской, то ли шведской. Люба вышла на свободу только в 1956 году, полной мерой хлебнула лиха в карагандинской ссылке.

Их годовалая дочка Юля воспитывалась вместе с нами и очень не любила свой, отличный от остальных детей, статус внучки. Мама первой заметила нарождающуюся проблему, и Юля перешла в дочки.

После победы о Леониде вспоминали только в семье, да и то не часто, родители – чтобы не бередить свои раны, а мы, дети, его почти не помнили. Хотя отец почти не говорил о Леониде, он очень любил сына и никогда о нем не забывал, в 1960 году попытался разыскать его следы. Для начала он попросил Министра Обороны маршала Малиновского выяснить, сколько наших самолетов пропало в районе Жиздры. Через некоторое время маршал доложил: «Тридцать пять». Места падения самолетов нанесли на карту и начали раскапывать.

До осени 1964 года нашли тридцать машин, опознали тридцать пилотов, но Леонида среди них не оказалось.

После отставки отца все тот же маршал Малиновский приказал работы свернуть. В конце 1980-х годов поиск погибших в болотах под Жиздрой советских пилотов возобновили местные следопыты-энтузиасты. В 1995 году я прочитал в российских газетах сообщение, что учитель местной школы отыскал останки советского истребителя. В пилотской кабине сохранился скелет летчика в истлевшей лейтенантской форме и меховом шлеме. По свидетельству оставшихся в живых однополчан, именно такой шлемофон носил Леонид, один во всем полку, и очень им гордился. Колесник не сомневался: этот 31-й истребитель Як-7Б, именно тот самолет, который так разыскивал отец. Он даже вышел на бывшего немецкого капрала, якобы осматривавшего самолет сразу после падения. Истребитель не загорелся, в кабине сидел летчик в плотно застегнутом реглане, на поясе у него висел немецкий парабеллум. Из-за этого парабеллума капрал заключил, что пилот – немец. Обе стороны использовали в боях чужие самолеты с чужими опознавательными знаками на крыльях. Он расстегнул реглан, увидел советскую военную форму, советские знаки различия и потерял интерес. Парабеллум он забрал себе, а самолет с летчиком остался гнить в болоте.

Уже упомянутые сослуживцы Леонида подтверждают, что в полку парабеллумом мог похвастать только один он. Сам самолет, их тогда делали из фанеры, сгнил, но на моторе и пулемете сохранились номера; чтобы окончательно удостовериться, кого нашел смоленский учитель, требуется сверить их с формуляром. Если формуляр в архиве сохранился, то одним пропавшим без вести станет меньше.

В 1965 году, просеивая сквозь сито всю прошлую жизнь отца, отбирая из нее эпизоды, пригодные для дальнейшей разработки, профессионалы-дезинформаторы наткнулись на историю пропавшего во время войны без вести Леонида. Она им подходила идеально: о судьбе пилота не известно ничего, а значит можно, не боясь разоблачений, напридумывать все, что угодно. И они напридумывали. Говорили, что авторство этой «дезы» принадлежит Филиппу Бобкову, скромному подполковнику в отделе дезинформации, впоследствии начальнику печально знаменитого 5-го, антидиссидентского управления. «Озвучивание» собственной «версии истории» КГБ поручило заместителю начальника Главного управления кадров Министерства обороны СССР генерал-полковнику Ивану Александровичу Кузовлеву. От него по Москве расползлись слухи, что в Министерстве обороны обнаружены документы (их, естественно, никто не видел), из которых следует, что Леонид не погиб, а сдался немцам, начал с ними сотрудничать, предал Родину. То ли в конце войны, то ли после ее окончания диверсанты генерала Судоплатова выкрали его, доставили в Москву, он попал в руки советской контрразведки, сознался в совершенных преступлениях, и суд приговорил Леонида к смерти. Хрущев якобы на коленях молил Сталина пощадить сына, но Сталин отказал ему, произнеся следующую сентенцию: «И мой сын попал в плен, и хотя он вел себя как герой, я отказался обменять его на фельдмаршала Паулюса. А твой...»³³

Я никогда не сомневался, что множившиеся с 1965 года «разоблачительные» слухи и слушки относительно отца – дело рук КГБ, но доказательств не имел и не надеялся их раздобыть. Помог мне случай.

В конце 1990-х годов американцы занялись поиском своих сограждан, военнослужащих, пропавших без вести во время Корейской и Вьетнамской войн, а также пилотов самолетов-разведчиков, сбитых над советской территорией. Ельцин распахнул перед ними все двери. Представителям из Министерства обороны США помогали специально приставлен-

³³ На самом деле Гитлер предлагал обменять старшего лейтенанта Якова Джугашвили не на фельдмаршала Паулюса, а на попавшего в советский плен в Сталинграде своего племянника, лейтенанта Лео Раубля. Сталин отказался. Эффектная фраза об отказе обмена лейтенанта на фельдмаршала пошла гулять по свету тоже во второй половине 1960-х годов, и родилась она тоже в недрах подразделения «А» КГБ СССР.

ные к ним российские генералы и историки. Один из них уже упоминавшийся военный историк Александр Колесник.

В те годы американцев пускали туда, куда не ступала и не скоро ступит нога россиянина. На собеседования к ним вызывали таких людей, к которым в другое время не достучаться и не дозвониться. Среди заинтересовавших гостей, десятков военных и гражданских лиц, оказался и Владимир Семичастный, в 1962–1967 годах председатель КГБ. Теперь уже просто пенсионер, он подолгу высиживал в приемной предоставленного американцам кабинета.

Входивший в свиту американцев Колесник воспользовался случаем и постарался разговаривать с Семичастным. За время совместных сидений в приемной они пусть и не подружились, но Семичастный проникся к историку доверием. Этому в немалой степени способствовало и то, что Колесник – свой, русский, и интересовали его не американские, а наши пилоты, пропавшие без вести еще во время войны. Среди всех прочих Колесника тогда интересовала и судьба моего старшего брата.

Как то ни удивительно, на осторожный вопрос Колесника о слухах в отношении Леонида Хрущева Семичастный неожиданно раскрылся, признался в том, в чем никому не признавался ни до ни после: история с «предательством» Леонида, как и многое другое, дело их рук. Тогда позарез требовалось найти иное, личное объяснение разоблачениям Хрущевым на XX съезде преступлений Сталина, вот они и изобрели «сына-предателя, казненного Сталиным», затем придумали сожженные Хрущевым архивы (о них я расскажу чуть позже) и еще многое другое.

– Ну, придумать вы придумали, – настаивал Колесник, – но как вы заставили других поверить вашей выдумке?

– Для того существуют специальные приемы и специальные люди, которых мы нашими «секретами» кормим, – пояснял Семичастный. – В случае с Хрущевым мы задействовали разные каналы от Министерства обороны (я уже упоминал генерала Кузовлева) до «прикормленных» нами диссидентствующих историков и корреспондентов уважаемых буржуазных газет. «Жареную» информацию о Хрущеве с нашей подачи первым удалось «заполучить» историкам Рою и Жоресу Медведевым. Они пошли трезвонить по всему свету, чему мы, естественно, не препятствовали. Затем «всучили» сенсацию итальянским журналистам из газеты «Република», использовали (я надеюсь, вслепую. – С. Х.) и Александра Солженицына, который в журнале «Литература Киргизстана» написал, что «старший лейтенант Хрущев не без причины погиб в штрафном батальоне».

Взаимоподтверждение «истинности» информации-дезинформации различными «источниками» – один из приемов нашей работы. Такие действия мы на своем жаргоне называем «перекрестным опылением». А дальше пошло-поехало, байка сама начинает гулять по свету.

О беседах с Семичастным Колесник рассказал не только мне, вот, к примеру, фрагмент его выступления на круглом столе в Государственной думе:

«Я задал вопрос Семичастному: скажите, пожалуйста, почему вопрос сына привязали к Хрущеву? Он улыбнулся и ответил: Знаете, это такая тонкая операция. Так можно уничтожить человека через его отношение к собственному сыну. Если сын предатель, то о чем еще говорить? Кто такой его отец? Какой он глава государства?

Какой глава партии?... Он сам предатель!»

Кагэбэшные «творцы истории» задание выполнили, объяснили разоблачения преступлений Сталина личной и мелкой местью. Казалось бы, кто клонет на столь примитивную ложь? Но профессионалы на то и профессионалы, они лучше кого-либо учитывают законы распространения слухов, слухов, падающих на благодатную почву, – Сталин, он и немцев победил, и страну из руин поднял, он и цены снижал, и евреям хвост прижал, а что касается

арестов, лагерей, расстрелов, то «дыма без огня не бывает», наверное, имел к тому основания, врагов вокруг нас достаточно, а, впрочем: «лес рубят – щепки летят».

Поначалу инициатива КГБ пришлась Брежневу по душе, ему самому хотелось подреставрировать недавнего «вождя всего прогрессивного человечества». Теперь, когда он сам сидел в его кресле, в его кабинете в Кремле, приятнее чувствовать себя преемником «титана», а не тирана.

– Однако как следует развернуться нам не позволили (я продолжаю цитировать Семичастного в пересказе Колесника). Через год-два, во время очередного доклада Брежневу о ходе операции, тот неожиданно приказал свернуть работу по дискредитации Хрущева.

– А почему? – не утерпел Колесник. – Ведь Хрущева Леонид Ильич откровенно ненавидел.

– Не знаю, – протянул Семичастный, – наверное, пожалел старика. Мы бы его в такой грязи вывалили!

На этом разговор прервался, Семичастного пригласили на собеседование к американцам.

Я думаю, что Брежнев в тот момент думал не об отце, а заботился о себе. Дай волю этим «бандитам», они не сегодня-завтра и за него самого примутся. «Через год-два» – получается 1967 год, именно тогда Леонид Ильич выставил Семичастного из КГБ, а затем и Шелепина отстранил от реальной власти.

Операцию свернули, но клевета продолжала свое победное шествие. Байка обрастала все новыми подробностями, затем ее опубликовали в газетах, а журнал «Советский воин» даже напечатал на эту тему целую поэму. В начале 1990-х запущенная в 1965 году дезинформация «стала фактом», на который ссылаются в научной литературе. И все это без единого доказательства, без единого документа.

Теперь уже нам, наследникам, приходится отыскивать аргументы в оправдание, в опровержение клеветы. К счастью, они лежат на поверхности. Нет даже необходимости обращаться к архивам. Какое предательство мог совершить в немецком плену старший лейтенант? Что он знал? Ответ очевиден – ничего существенного. Единственно, чем он мог оказаться немцам полезным, так это своей фамилией – призывами Хрущева к советским бойцам сдаваться в плен. Подобные листовки от имени сына Сталина Якова, настоящего или мнимого племянника Молотова, генерала Власова и многих других щедро разбрасывались с немецких самолетов над позициями советских войск. Не зарегистрировано ни одной листовки с обращением от имени Леонида Хрущева, не вспоминают о них и ветераны войны. В советских и российских архивах хранятся трофейные немецкие документы, в том числе расквартированной под Смоленском, где 11 марта 1943 года пропал Леонид, корпусной группы генерала фон Шееля и приданной ей 296-й пехотной дивизии. В отчете штаба корпуса группы за период с 22 февраля по 21 марта 1943 года говорится о пленении 63 советских офицеров и 1 674 красноармейцев. За это время сбито 93 советских самолета, в том числе один – огнем пехоты. Среди них, несомненно, и самолет Леонида, но о нем самом, о пленении сына видного политического деятеля СССР, члена Военного совета фронта, упоминания нет.

Немцы и не подозревали о существовании Леонида Хрущева. Брат безымянным погиб под Жиздрой.

Профессионалы-дезинформаторы предусмотрели всё, даже то, что кто-то когда-то доберется до недоступных пока архивов и попытается свести концы с концами. Не сведет, потому что в соответствии с разработанной ими же версией, архивы по приказу Хрущева якобы уничтожили, «почистили» дела, касающиеся не только Леонида, но и степени участия отца в сталинских репрессиях и всего прочего.

Опровергнуть клевету становится попросту невозможно. Нет подтверждения в архивах? Но архивы уничтожены. Нет актов изъятия документов из архивных папок? И тут имеется наготове ответ: «уничтожители» действовали настолько искусно, что не оставили ни малейших следов.

«Уничтожение архивов» – наиболее эффективная составляющая операции Шелепина – Семичастного по дискредитации отца. Эта выдумка полностью развязывала руки. Она позволила отделу дезинформации внедрять в сознание людей еще один миф об отце – он-де сам активнее всех, активнее самого Сталина и его самых жестоких приспешников арестовывал, казнил, мучил людей, а потом, придя к власти, свалил все «с больной головы на здоровую». Архивы ничего подобного не подтверждают! Ну и что? При отсутствии доверия к архивам, это обвинение опровергнуть еще труднее, чем напраслину, возведенную на моего брата. Во-первых, и сам отец никогда не отрицал, что ему приходилось визировать выписанные в НКВД ордера на арест работавших с ним людей. Так в те годы была устроена жизнь. И попробовал бы кто-нибудь не завизировать арестную бумагу. Посещал отец и тюрьмы, встречался с арестованными. Другое дело, что одни из соратников Сталина, такие как Каганович, Ворошилов или Молотов, не говоря уже о Берии, услышав команду «хозяйина»: «Фас!», старались, как могли, разливали море крови. Другие, в их число входил и отец, ретивости не проявляли, пытались по возможности уменьшить число жертв, смягчить их участь. Обо всем этом отец написал в своих воспоминаниях.

Во время XX съезда КПСС он прямо сказал, что в сталинских преступлениях замешаны все члены руководства страны, но в разной мере, и народу предстоит определить вину каждого. В конце своей жизни отец не раз повторял: «Вот умру я, и положат мои деяния на весы. На одну чашу злое, на другую – доброе, и, я надеюсь, доброе перевесит». Теперь, после его смерти, слуги дьявола стремятся подбросить на недобрую чашу весов свою, фальшивую, гирьку. И делают это так искусно, что даже я не то что поверил пущенному КГБ слуху, но допустил возможность «подправления» прошлого отцом. С трудом, через силу, но допустил. Тем более что мировая история нашпигована подобными примерами.

Подтасовка фактов всегда представлялась мне не соответствующей внутренней сущности отца, но человек слаб. И каждому из нас так хочется задним числом улучшить свой имидж. А тут такие возможности... Казалось бы, грех ими не воспользоваться. Казалось бы... Я, по правде говоря, смирился. Но тут вмешался Его Величество случай. В декабре 1994 года в США в Браунском университете на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущева, звучали доклады, в которых шла речь о «чистке» архивов отцом. Таким термином ученые обозначили эти неприглядные деяния. Я решил докопаться до истоков. Обвинения касались двух периодов жизни отца: московского (до 1938 года) и киевского (после 1938 года). То есть, если «чистили», то только Московский и Украинский партийные архивы.

Я начал с Украины. Юрий Шаповал, историк, изучавший деятельность отца, на конференции в Браунском университете безапелляционно утверждал, что многие документы в украинском архиве отсутствуют, а следовательно, «вычищены». Я попросил его заглянуть в первоисточники. Шаповал заинтересовался. Он, человек относительно молодой, не зараженный неприязнью к отцу партийного аппарата, не простившего ему разоблачений сталинских преступлений. И что же оказалось на самом деле? Действительно, в Украинском Государственном архиве недостает кое-чего, связанного с именем отца. Дело в том, что отец вел собственный архив. Он привез его с собой на Украину из Москвы в 1938 году. В него помощники отца складывали наиболее значительные, по их мнению, документы, порой забывая передавать их в официальный архив. Все эти папки, их насчитывалось более двухсот, отец, вернее его аппарат, забрал с собой из Киева в Москву в 1950 году. После отставки отца они осели в архиве Политбюро ЦК КПСС. Теперь архивисты независимой Украины спорят с

работниками Кремлевского президентского архива, кому должны принадлежать эти документы. Следов уничтожения чего-либо в Киеве Юрий Шаповал не обнаружил.³⁴

Ободренный результатами украинского расследования, я обратился к московскому периоду деятельности отца. Помочь в этом деле я попросил Владимира Павловича Наумова, автора одного из докладов, представленного на конференцию в Браунском университете, и одновременно секретаря комиссии Александра Яковлева, в середине 1990-х годов занимавшейся в России расследованием всего и вся, связанного с репрессиями сталинского, досталинского и послесталинского периодов. В силу своего уникального положения Наумов имел доступ во все без исключения архивы, в том числе и президентский. Правда, дело осложнялось тем, что сам Наумов – бывший работник Отдела науки ЦК КПСС, в отличие от Юрия Шаповала, как и все аппаратчики, даже демократического толка, не симпатизировал Хрущеву. В ответ на мое обращение Владимир Павлович долго молчал и только после многократных напоминаний прислал ответ. Во избежание кривотолков приведу его полностью: «Прошу извинить меня за то, что посылаю Вам материал с такой задержкой. Она вызвана тем, что я пытался выяснить обстоятельства чистки б. (бывшего – С. Х.) архива Московского горкома и обкома партии. Дело оказалось очень сложным. Есть разные версии. Все они в той или иной степени связаны с Н. С. Хрущевым. Но никто не мог подтвердить свою версию документами».

В переводе с бюрократического лексикона это означает, что и в Московском архиве ничего не пропадало. Такие дела бесследными не остаются, на уничтожение документов требуется указание, составляется акт или хотя бы письмо, предоставляющее его подателю свободу действий. Иначе вся ответственность ложится на хозяев архива, взять ее на себя без письменного распоряжения они не решились бы.

Точку в этой истории поставил историк Никита Петров, переворошивший практически все архивы КГБ, изучивший сотни и сотни расстрельных списков, знающий в деталях кто, что и как подписывал. Он считает, что «Хрущев не входил в руководящую “пятерку”, и поэтому, в отличие от Молотова, Кагановича, Ворошилова,³⁵ его подписей нет на сталинских расстрельных списках». А следовательно, и искать нечего. «Уделом Хрущева было санкционирование арестов на уровне Москвы и области, а после 1938 года – на Украине. Но оба эти архива пострадали во время войны. В архивах КГБ Москвы и Московской области вообще не сохранилось довоенного секретного делопроизводства за период до 1941 года. При эвакуации баржа с документами попала под бомбежку и затонула». Что же касается довоенных украинских архивов, то в 1941 году Киев попал в окружение, документы могли либо достаться немцам, как им достался Смоленский архив, либо пропасть без вести...»

Что же касается чистки архивов госбезопасности, то она имела место. В разное время те или иные документы с санкции руководства уничтожались, не тайно, а с соблюдением всех бюрократических процедур. Так, в 1953 году, после ареста Берии члены Президиума ЦК единодушно решили сжечь, не читая, все обнаруженные в его личных сейфах бумаги, содержавшие, как они считали, компромат на все руководство страны. Об этом эпизоде отец пишет в своих мемуарах, подтверждается он и документально. В архиве хранятся бумаги о создании комиссии, которой поручили заняться архивом Берии. Ее члены составили соответствующий акт и другие сопроводительные документы на десяти страницах, согласно которым уничтожили путем сжигания одиннадцать мешков документов.

Что находилось в этих мешках, тоже известно: дело на болгарского коммуниста Георгия Димитрова, шесть папок компромата на Михаила Кагановича, брата члена Президиума

³⁴ Подробно о перипетиях личного архива отца см.: *Пирог Р. Я.* «Архив Первого секретаря ЦК КП(б) Никиты Хрущева: проблемы реституции» в кн. «Хрущев и Украина», Киев, 1995.

³⁵ Остальные две подписи: самого Сталина и Ягоды, Ежова или Берии, в зависимости от того, кто возглавлял «расстрельное» ведомство.

ЦК, материалы на Суслова, Первухина, Сабурова, Булганина, 261 страниц «разной переписки» о Хрущеве, агентурные донесения на Ворошилова и другие дела.

Архивы КГБ чистили и в последующие годы. 21 ноября 1953 года, еще до образования КГБ, министр внутренних дел Круглов докладывал Маленкову и Хрущеву, что у них на оперативном учете состоят 26 миллионов человек, хранится 6 миллионов дел, следственных, агентурных, всевозможных проверок всевозможных лиц, и просил разрешения все утерявшее ценность пустить под нож. В начале 1956 года уже Серов доложил в ЦК: в КГБ уничтожено 6 миллионов «дел на 6 миллионов советских граждан», с них «снято пятно политического недоверия».

Позднее Шелепин, в бытность Председателем КГБ, посчитал излишним хранить личные дела поляков, расстрелянных по приказу Сталина в 1940 году в Катыни, под Харьковом и других местах. Он тоже обратился за разрешением в Президиум ЦК и только получив его, уничтожил документы, составив о том акт по установленной форме. «Расчищались» как центральный, так и региональные архивы: «исключены из хранения» 375 тысяч дел оперативной разработки советских граждан, 900 тысяч дел на лиц, выезжавших за границу, 475 тысяч дел агентов и осведомителей, плюс еще 250 тысяч таких «осведомительских» дел только по Москве и области, где был завербован каждый десятый москвич, на все составлены соответствующие акты. В результате из многих и многих миллионов дел, в частности из 5,7 миллиона хранившихся только в центральном архиве, в регионах сохранились жалкие пара миллионов, а в центре и вовсе 600 тысяч. Если покопаться в архивах поглубже, то можно обнаружить еще немало подобных актов уничтожения, замещающих недостающие дела и даже отдельные страницы в них. В бюрократическом обществе ничего не исчезает бесследно.

И Семичастный, и Шелепин прекрасно знали, что искать в архивах бесполезно, «однако после смещения Хрущева дали задание разыскать документы, уличающие Хрущева». Когда компромата не нашли, его решили придумать.

Поэтому «доказательства» о якобы уничтоженных документах из архивов, касающихся лично Хрущева, выглядят так расплывчато, ни за один «кончик» не ухватишься, вроде есть факт, и одновременно нет его. К примеру, председатель КГБ Семичастный так пишет в своих мемуарах об архивах, «изобличающих Хрущева в причастности к репрессиям» «уничтоженных им на Украине и в центре»: архивисты КГБ ему показывали папки «с вытравленными на них текстами».

Какие папки, за какие годы, с какими текстами – Семичастный умалчивает. К тому же любой вытравленный текст восстановим. Если бы кто-то хотел что-то уничтожить, то папки просто бы списали по акту и официально сожгли.

Другой бывший Председатель КГБ Александр Шелепин тоже очень своеобразно «подтверждает» версию уничтожения архивов. В апреле 1988 года в беседе с историком Дмитрием Волкогоновым он доверительно сообщил ему, что «очень большую чистку сталинского архива провел генерал армии И. А. Серов по личному распоряжению Н. С. Хрущева.

– Свои указания Серову Первый секретарь отдавал в моем присутствии, – рассказывает Шелепин Волкогонову и далее приводит слова Хрущева: «Нужно просмотреть все бумаги с “расстрельными” списками, на которых стоял подписи не только Сталина... Выявите и доложите мне». Так якобы инструктировал Серова отец.

«Хрущев явно хотел обезопасить себя от прямой ответственности за репрессии конца 1930-х годов, – утверждает со слов Шелепина Волкогонов. – Ведь как известно, к решению этих страшных дел были причастны почти все высшие руководители партии и страны. Через два-три месяца Серов передал Хрущеву несколько пухлых папок с документами.

– Где же они сейчас? – поинтересовался Волкогонов.

– Думаю, что теперь их просто не существует, – спокойно ответил Шелепин. И этот разговор Волкогонов считает заслуживающим внимания свидетельством?

Тут возникает множество вопросов. Если дело столь деликатное, то почему отец дал поручение Серову в присутствии свидетеля? У него что, времени другого не нашлось? Если такой разговор и состоялся, то скорее всего, речь шла о членах так называемой «антипартийной группы», выведенной из Президиума ЦК в июне 1957 года, – Молотове, Кагановиче и Маленкове. На собравшемся тогда Пленуме ЦК и Хрущев, и другие выступавшие говорили о весьма многочисленных сталинских расстрельных списках с резолюциями Молотова и Кагановича на них. Отец их видел, следовательно, кому-то пришлось разыскивать для него эти материалы в архивах. Затем, по словам Шелепина, через пару месяцев Серов передает отцу некие документы и снова в присутствии все того же свидетеля. Такое просто вообразить невозможно. Не вызывает сомнений, что Шелепин использовал Волкогонова втемную. Он не говорит, что за папки с документами якобы передал Хрущеву Серов, что в них содержалось. Шелепин также не утверждает, что кто-то эти папки уничтожил, он только «думает...» К нему не придерешься, он все рассчитал точно.

Позволю себе высказать собственное предположение. Разговор происходил не в 1957 году и не с председателем КГБ Серовым, а в 1961-м, накануне XXII съезда партии, с председателем КГБ Шелепиным. На съезде в октябре 1961 года, а не на Пленуме ЦК в июне 1957 года отец озвучил найденные в архивах расстрельные дела с резолюциями Молотова и иже с ним, например такие: «собаке собачья смерть»... Сообщил о том, как Молотов собственноручно перечеркнул на приговоре женам казненных маршалов слово «Ссылка» и написал «ВМ», то есть – высшая мера, расстрел. В этом случае розыском в архивах занимался уже не Серов, а сам Шелепин. Он получал от отца задания, он же передавал ему папки с документами. В разговоре с Волкогоновым Шелепин подменил себя Серовым, а остальное предоставил домыслить самому Волкогонову.

Из публикации в публикацию путешествуют и еще более невероятные «свидетельства» уничтожения архивов. Так, «по свидетельству» анонимных заключенных внутренней тюрьмы КГБ, огромные кипы бумаг сжигали во дворе здания на Лубянской площади. Поднимавшиеся над кострами клубы черного дыма заключенные «наблюдали» через зарешеченные окошки своих камер, которые, по существующим тогда правилам, закрывались «намордниками», да так, что сквозь них не то что дыма, клочка неба синего не увидишь. Я уже не говорю, что подлежащую уничтожению «бумажную массу» сжигали в специальных печах или, за их отсутствием, в котельных, а не на кострах, где толком и не проконтролируешь, что сгорело, а что разлетелось по ветру.

Другие историки приводят другие «анонимные» свидетельства того, как из здания Московского комитета партии на Старой площади в Москве в середине 1950-х годов грузовиками вывозили какие-то бумаги. Какие грузовики и какие бумаги – никто не знает, но, по их мнению, так уничтожались архивы. Эта история настолько нелепа, что опровергать-то ее не хочется. Мало ли какой мусор ежедневно вывозится на свалки из учреждений. Не исключено, что эту «бумажную массу» вообще перевозили из здания в здание. Но находятся весьма серьезные люди, берущие на веру и такие, с позволения сказать, «факты».

«Уничтожение» архивов, «дело» Леонида, дезинформаторы из КГБ положили в основу кампании по дискредитации отца, но они не брезговали и «мелочами». К примеру, в 1965 году, «Волгу» из Кремлевского гаража, на ней теперь по решению Президиума ЦК ездил отставной Хрущев, вдруг сменил громоздкий семиместный черный ЗИМ с «частными» номерами. Единственный экземпляр ЗИМа с трудом разыскали где-то в Грузии и «специально для обслуживания отца» пригнали в Москву. В глазах москвичей он должен был символизировать «неправедно нажитое» отцом богатство. Шоферы ворчали, ЗИМ, произведенный еще в сороковые годы, постоянно ломался, а запасных частей не найдешь, машину давно

сняли с производства. История с ЗИМом последствий не имела, на «частные» номера никто, кроме меня, внимания не обратил.

Примерно тогда же запустили «утку» о Хрущеве, отплясывающем по принуждению Сталина у него на даче гопака. Она оказалась живучей, а сопутствующее ей «разъяснение»: Хрущева Сталин держал за «шута», тот копил обиду и при первом же случае отомстил, как умел, – публика восприняла. Я уже описал выше, кто, как и что вытанцовывал на сталинской даче, и не считаю нужным повторяться.

К сожалению, и гопака на даче, и «шутовская маска» стали частью «исторического портрета» отца, портрета нарисованного «художниками» школы Шелепина – Семичастного.

В 1967 году реабилитация Сталина провалилась, воспротивились наши западные друзья-коммунисты, они взмолились: такого их партии не вынесут. Брежнев нехотя пошел на попятный. Прошло еще три десятилетия, и Сталин начал возрождаться вновь. Восстановлением его «доброе имя» занимаются те же профессионалы, которые приложили столько усилий к предыдущему этапу «разоблачения» Хрущева, и сидят они в тех же кабинетах. Похоже, что на всю эту кампанию ассигнованы немалые суммы, а Сталин возвращается все-речь и надолго. Судя по результатам, деньги потрачены с умом. Россияне уже «простили» Сталину миллионы безвинно погибших соотечественников. С кем не бывает? «Зато он победил Гитлера и сделал нашу страну великой» – так звучит главный аргумент неосталинистов.

Я не хотел и не хочу вступать в полемику с многократно превосходящим меня противником, да и цель моя написать правдивую книгу об отце, а не растрачивать свои силы понапрасну. Однако не могу удержаться от того, чтобы не высказаться о тандеме Сталин – Гитлер или Гитлер – Сталин.

Начну с самого начала, с 1930-х годов. Тогда Сталин не столько противодействовал, сколько поспособствовал Гитлеру в приходе к власти. Если бы в 1932–1933 годах он не сопротивлялся изо всех сил политическому сближению немецких коммунистов с немецкими же социал-демократами, каждая из этих партий лишь чуть уступала в популярности национал-социалистам, и позволил бы им выступить единым фронтом на выборах, то партия Гитлера не получила бы большинства мест в Рейхстаге, Гитлер не стал бы канцлером и история XX века пошла бы по иному пути. Какому? Не стоит и гадать. XX век мы уже прожили.

Если бы Сталин в 1937 году не арестовал практически весь командный состав Красной Армии, то, даже захватив власть, Гитлер вряд ли рискнул бы напасть на Советский Союз. Немецкий генералитет, немецкая разведка хорошо знали сильные и слабые стороны Красной Армии, особенно сильные. Созданные в середине тридцатых годов крупные мобильные танковые соединения, в перспективе – армии, авиадесантные дивизии, все это наработки казенных Сталиным военачальников. И все это пошло коту под хвост.

После разоблачения «заговора красных маршалов» их нововведения признали вредительскими, в армии возобладали воззрения времен Первой мировой и Гражданской войн. Танковые корпуса возродили перед самой войной, но реальной боевой силой они стали только в процессе боев. А вот Гитлер реализовал новации «врагов народа» и благодаря им громил своих противников в начале Второй мировой войны и на западе, и на востоке.

Теперь известны официальные цифры людских потерь Красной Армии накануне войны. В 1937–1941 годы Сталин уничтожил 42 тысячи средних и высших командиров. Вдумайтесь в эти цифры! За три-четыре года армия лишилась сорока двух тысяч командиров, на подготовку которых ушли предыдущие полтора десятилетия. Красная Армия осталась не только без маршалов, в живых Сталин оставил лишь Ворошилова с Буденным, оказались обезглавленными практически и вся командная вертикаль: взводы, роты, батальоны, полки, бригады, дивизии, корпуса, армии! Штабы остались без грамотных стратегов и тактиков. А без них они уже не штабы, а конторы. Не стало начальников связи, начальников разведки, начальников снабжения. На место майоров и полковников пришли лейтенанты с дипломами

двухгодичных военных училищ. За год-полтора 93 процента офицеров, не умея ни командовать, ни воевать, выдвинулись из ниоткуда. К примеру, в 1940 году из 225 командиров полков ни один не учился, как это полагается, в военных академиях. Двадцать пять из них пришли из военных училищ, а остальные двести – прослушали курсы младших лейтенантов! 70 процентов командиров полков занимали эту должность менее года.

О чем еще можно говорить! При всем своем авантюризме Гитлер трезво оценивал боевые возможности противника. Он считал, что Красной Армии уже не оправиться от поражения, нанесенного ей Сталиным в 1937 году. Сталин своими репрессиями спровоцировал Гитлера на войну.

А чего стоило всем нам нежелание Сталина считаться с фактами, когда в начале 1941 года война стала неотвратимой? Вместо принятия необходимых мер он приказал отозвать в Москву разведчиков, от которых поступала раздражавшая его информация, и примерно их наказать.

Если бы в июне 1941 года, в самый канун войны Сталин даже не приказал, а просто позволил своим генералам, как полагалось по уставу, выдвинуть дивизии на рубежи отражения атаки, рассредоточить авиацию, сделать то, что в таких обстоятельствах делается всегда, то немцы, возможно, и прорвались бы, но не разгромили Красную Армию и мы не отступали бы до Москвы и Ленинграда.

Если бы в июле 1941 года Сталин послушался своих генералов, командующего Юго-Западного фронта генерала Кирпоноса и начальника Генерального штаба Жукова, предупреждавших его о неизбежности флангового удара гитлеровцев из Белоруссии в тыл Киевской группировке наших войск, позволил загодя отвести армии на восток, то полмиллиона солдат не угодили бы в плен. Полмиллиона бойцов – это огромная сила, сила способная сдержать наступление врага на Москву.

Если бы весной следующего, 1942 года, Сталин поверил донесениям собственной разведки, как стратегической, так и фронтовой, считавшей, что летнее наступление немцев начнется из-под Харькова в направлении к Волге и Кавказу, а не на Москву, как думал он сам, сосредоточил бы там имевшиеся у него резервы, то врага бы остановили, не произошло бы ни кровавой Сталинградской битвы, ни битвы за Кавказ. Но Сталин не дал необходимых для отражения удара танков и самолетов, а на разведсводках написал, как он писал и в 1941 году, что «наивных» генералов враг водит за нос.

Уцелевшие от сталинского разгрома армейские командиры научились воевать только к концу 1942 года. Учение стоило дорого: миллионы в немецком плену, еще миллионы погибших. Пришлось заново создавать танковые армии, в процессе боев расформировывать ставшую обузой кавалерию.

Своей разведке и своим генералам Сталин поверил лишь в 1943 году, в преддверии наступления немцев на Курской дуге. Результат известен всем, мы победили. А если бы и тут Сталин положился на собственное «чутье»?

Читая современные восхваления Сталину, на каждом шагу, на каждой странице наталкиваешься на подтасовки. Приятно, конечно, что сталинисты не могут обойтись без лжи, что нет у них ни аргументов, ни фактов. Приятно... Да что толку? Гений пропаганды Йозеф Геббельс когда-то произнес: «Чтобы массы поверили, ложь должна быть чудовищной». Он знал, что говорил. С одной лишь поправкой – если народ в силу каких-то внутренних причин хочет этой лжи верить.

Расхожая истина, что народ достоин своих правителей, мне претит, я ведь тоже частичка своего народа, но где взять аргументы против?